

Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. – Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – 132 с. /

Berdinskikh, V. A., & Menkovsky, V. I. (2017). GULAG: ideologiya i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke [GULAG: ideology and economy of the slave labour in the 20th century]. Syktyvkar: Izd-vo IYaLI Komi NTs UrO RAN.

Статья написана по материалам книги В. А. Бердинских, В. И. Меньковского «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке» (Сыктывкар, 2017). Репрессивная политика советской власти по отношению к собственному народу рассматривается в контексте задач формирования мощнейшего в мире военно-промышленного комплекса, выдвинутых партийным руководством страны под названием «программа индустриализации». Создание ГУЛАГа и наделение его как государственного субъекта территориально-хозяйственной деятельности, конкретными производственными заданиями предопределило необходимость столь же планового пополнения его подневольным «рабочим фондом». Рассмотрена предыстория формирования структур принудительного труда в СССР в виде трудовых армий.

Ключевые слова: ГУЛАГ; НКВД; ВСНХ; военно-промышленный комплекс; индустриализация; коллективизация; трудовые армии; шарашки; экономика в СССР. /

The article is based on the book by V. A. Berdinskikh and V. I. Menkovsky (Berdinskikh & Menkovsky, 2017). The repressive policy of the Soviet government toward the Soviet people is viewed in the context of the aim to form the most powerful military and industrial complex set by the party leaders under the name of “Industrialization Program”. As a state entity of the territorial and economic activity, GULAG was committed to certain production tasks, which caused the necessity to provision it with a slave “labour fund”. The prehistory of the formation of the slave labour structures in the USSR in the form of labour armies is also viewed in the article.

Keywords: GULAG; NKVD; Supreme Council of National Economy; military-industrial complex; industrialization; collectivization; labour armies; sharashkas; economy in the USSR.

Советская индустриализация и ГУЛАГ / The Soviet Industrialization and GULAG

текст
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

В середине 1920-х годов партийное руководство СССР выдвинуло цель – формирование самого современного в мире, самого мощного военно-промышленного комплекса (ВПК). Именно программа ускоренного формирования ВПК получила наименование «индустриализация». Ее приоритетными задачами стали: 1) развитие современной военной индустрии, а также, неразрывно связанное с этим: 2) расширение добычи природных ресурсов для советской тяжелой промышленности и их экспорта за границу, для того, чтобы было чем рассчитывать с зарубежными торговыми партнерами за приобретение передовых производственных технологий и, в частности, для того, чтобы сделать Европу зависимой от советского сырья; 3) формирование единой общегосударственной энергетической инфраструктуры для обеспечения расширяющегося промышленного военно-производства электроэнергией; 4) развитие единой транспортной структуры для обеспечения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов, а также живой силы к намечаемым театрам военных действий.

Требование быстрого рывка в индустриальную эпоху на фоне хронического технологического отставания страны от западных государств, давно и успешно этот рывок осуществивших, вынуждало советское руководство избрать путь, давший Стране Советов разовый эффект, зато потом на долгие годы погрузивший ее в трясины «догоняющей экономики» – вместо того, чтобы терять время и силы на самостоятельное изобретение конструкций и материалов для военной техники (танкеток, танков, тягачей, самолетов, орудий и проч.) и соответствующих конвейерных технологий их производства, советское руководство пошло более быстрым и эффективным путем – покупки за рубежом передовых знаний, опыта, производственного оборудования, проектов, консультаций, технических решений, готовых агрегатов и образцов изделий.

Руководство страной громогласно вещало о повышении благосостояния советского народа. А на практике, в рамках программы индустриализации, в планы первой пятилетки закладывалось повышение «душевых норм потребления» всего лишь шести позиций: 1) сахара, 2) мыла, 3) обуви, 4) хлопчатобумажных тканей, 5) шерстя-

ных тканей, 6) галosh [1]. Потребление сахара планировалось поднять с 7,7 кг в 1927/28 до 11,9 кг по отправному и 13,9 по оптимальному варианту в 1932/33 г; мыла с 0,94 кг до 2,36/2,60 кг; обуви с 0,4 пары до 0,65/0,74 пары; хлопчатобумажных тканей с 15,2 м до 20,3/21,3 м; шерстяных тканей с 0,48 до 0,84/1,17 м; галosh с 0,22 до 0,31/0,39 пары [1, с. 106].

Только шесть позиций «народного потребления»! Все! Больше никаких иных «товаров для населения» первый пятилетний план развития народного хозяйства – не предполагал.

Зато в программу индустриализации было заложено многое другое – технический прогресс представлялся в виде непрерывно сходящих с конвейера бесконечных верениц танков, самолетов, пушек, пулеметов и т. п.

Программа индустриализации воплощала планы руководства СССР по выпуску силами ассимилированного военно-гражданского производства широчайшего спектра военных изделий. Промышленность изготавливала на основе закупленных за рубежом технологий «Интернационал», «Катерпиллер» бронированные трактора; производило танкетки на Ленинградском и Нижегородском (Горьковском) автомобильных заводах, используя для этого автомобильные базы, двигатель, узлы и агрегаты грузового автомобиля «Форд-АА»; воспроизводило на Харьковском паровозостроительном заводе закупленный танк «Кристи» (советское маркировка – «БТ»); на заводе им. Ворошилова в Ленинграде – танки «Виккерс» («Т-26»); Харьковском тракторном – средние танки; на заводах «Экскаватор» (на Урале), «Большевик», № 147 им. К. Е. Ворошилова – тяжелые; на Ярославском и Московском (АМО) автомобильных заводах – танки прикрытия; на заводе «Большевик», Сталинградском тракторном – малые танки; на Челябинском тракторном, Харьковском паровозостроительном, Ижорском заводах – корпуса; на предприятиях Авиапрома – двигатели; на Выксунском заводе дробильно-размольного оборудования – бронетранспортер БА-20 и т. п. При этом, постоянно заменяя в ходе адаптации закупленные за рубежом детали на узлы и агрегаты собственного изготовления, приспособливая их к отечественным условиям, видоизменяя конструкции, приводя к советскому уровню качества, к советским условиям труда и будущего использования, а также разраба-

таявая на основе исходных (зарубежных) собственные модели.

Огромные средства, необходимые для этого, извлекались не только от продажи зерна за границу (даже в неурожайные годы, несмотря на массовую гибель советских людей от голода), но также и от экономии денег и материалов на том гигантском объеме и спектре работ, который осуществлял ГУЛАГ контингентами подневольного труда.

Один из главных вопросов советской историографии заключен не в том, чтобы определить количество лиц, подвергшихся репрессиям и обреченных на уничтожение в результате нещадной эксплуатации в системе гугаговского принудительного труда, а в выявлении подлинной, детализированной картины устройства военно-производственной, хозяйственно-экономической системы сталинизма, в которой репрессии и рабский труд являлись неотъемлемой частью этого устройства.

В советской системе существовало всего лишь три государственных «субъекта», которые являлись ответственными за освоение территорий, за строительство промышленных, транспортных, энергетических объектов, поддержание функционирования индустриальных моногородов. Их деятельность планировалась и организовывалась на государственном уровне в рамках общегосударственной промышленной политики, финансировалась государством, регулировалась через распределение лимитов стройматериалов и трудовых ресурсов. В распоряжение этих трех «государственных хозяйствующих субъектов» советское государство, фактически, передало отдельные сферы производственной (хозяйственно-экономической) деятельности, связанные с реализацией планов индустриализации, а также крупные фрагменты территории страны, на которых эти планы должны были воплощаться (вместе с существовавшим здесь или перемещаемым сюда населением) [2]. Это: 1) ВСНХ, 2) НКВД, 3) ГУЛАГ.

ВСНХ (Всесоюзный совет народного хозяйства – управляющий суперорган, объединяющий все промышленные наркоматы). Он отвечал за формирование военно-промышленного производства (за все промышленные новостройки), посредством персональной (личной) ответственности «красных директоров» и профильных

наркомов. ВСНХ было законодательно передано строительство жилья и объектов социального, культурного, медицинского и проч. обслуживания на промышленно осваиваемых территориях [3]. В любом строящемся советском моногороде, основная часть жилищного фонда находилась в руках руководства ведомственного градообразующего предприятия. Например, в Магнитогорске в 1930-е годы. Магнитогорский металлургический комбинат владел 63,5 % жилой площади, а еще 18 % обладали другие заводы. Итого, 81,5 %¹.

НКВД, в лице Главного управления коммунального хозяйства, ведал развитием существовавших городов (ремонтom жилого фонда, возведением нового, городским транспортом, инженерной инфраструктурой, городскими электростанциями, очистными сооружениями, скотобойнями, спортивными сооружениями и проч. – всем тем, что именовалось «коммунальным хозяйством»).

ГУЛАГ. 11 июля 1929 СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому содержание всех осужденных на срок три года и больше передавалось в ОГПУ. В 1930 году Госплан издает инструкцию, где говорится о необходимости более полного включения в плановую экономику труда лиц, лишенных свободы, а с апреля 1930 г. для планового использования труда заключенных формируется сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ и создается специальное Управление исправительно-трудовых лагерей [5]. 1 октября 1930 года Улаг ОГПУ преобразовывается в Главное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ².

В сталинской системе «народного» хозяйства именно ГУЛАГ обеспечивал основные объемы работ по обустройству территорий ресурсного освоения силами «мобильных трудовых армий принудительного труда»: осуществлял добычу полезных ископаемых, необходимых ВПК и промышленному производству в целом, вел строительство коммуникаций, объектов энергетики и всех видов жилищного и культурно-бытового строительства на осваиваемых им территориях. В последующие годы «рабочий фонд» ГУЛАГА, постоянно увеличиваясь, расширяет участия подневольного труда в решении производственных задач, обеспечивая основу для функционирования ключевых отраслей «народного» хозяйства.

1. Рассчитано Е. В. Кобышевой по данным, приведенным С. Коткиным [4].

2. 10 июля 1934 года, после создания Народного комиссариата внутренних дел СССР, Главное управление лагерей (ГУЛАГ) в составе пяти главных управлений вошло в его структуру.

> Прибытие партии заключенных в Соловецкий лагерь особого назначения

> Норильлаг в 1950-е годы

Если мы сопоставим карту промышленных строек первой пятилетки с отмеченными местами расположения всех мало-мальски значимых новостроек советской программы индустриализации, и сравним ее с местами расположения лагерей, колоний, лагпунктов ГУЛАГ, то увидим, что они практически совпадают. И это совпадение расположения объектов ГУЛАГ и мест размещения промышленных новостроек, возводившихся ВСНХ в рамках программы индустриализации, способно кардинально изменить наши представления о «добровольном и радостном созидательном труде советского народа, возводившим светлое будущее страны победившего социализма».

Монография В. А. Бердинских, В. И. Меньковского «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке» систематизирует информацию о ГУЛАГ – важнейшем субъекте советской хозяйственной системы, который с началом развертывания программы индустриализации, все в большей степени, становился становым хребтом развития советской экономики.

Формат «минимонографии», как определили жанр своей работы авторы, абсолютно подходит для исследования, которое покоится на монбланах предшествующих научных трудов – противоречащих друг другу, построенных на различных исследовательских методиках, исходящих из разноаспектных предметных парадигм. И этот формат абсолютно соответствует духу времени, давно ожидающему внятного и сжатого обобщения накопленных знаний.

Мини-монография состоит из краткого введения «О рабском труде заключенных», заключения под названием «...плюс гулагизация всей страны» и двух основных разделов. Первый раздел – «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» – демонстрирует эволюцию методологических подходов в аналитической работе англоязычных исследователей, дававших крайне неоднозначные, подчас кардинально различные оценки и делавших подчас противоположные выводы. Второй (основной) раздел – «Лагеря и советская экономика 1930-х годов» – разбит на пять тематических блоков: «Особенности эксплуатации заключенных и основные отрасли советской промышленности»; «Проблемы стимулирования труда заключенных»; «К вопросу

о «целесообразности и эффективности» подневольного труда»; «Подневольный труд как наркотик для советской промышленности»; «Негативные последствия подневольного труда и кризис лагерной системы в СССР».

Этот раздел сжато и кратко очерчивает место ГУЛАГ в системе советского «народного хозяйства», характеризует его взаимоотношения с ведомствами, входящими в систему ВСНХ, оценивает причины низкой механизации ручного подневольного труда, раскрывает ключевую роль в добычи стратегических ресурсов и освоении территорий.

Некоторые положения монографии В. А. Бердинских, В. И. Меньковского, являющиеся последовательным обобщением материалов предшествовавших научных трудов, все же представляются спорными. «Лагерно-хозяйственная деятельность НКВД обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер» [6, с. 36] не с конца 1930-х годов, о чем пишут авторы, а с начального момента создания Главного управления лагерей в 1929 году. Собственно, для обеспечения программы формирования ВПК и создавался сначала УЛАГ ОГПУ, затем реорганизованный в ГУИТЛАГ ОГПУ, переросший потом в ГУЛАГ. Он не сразу превратился в «огромный комбинат, который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т.д.», но очень быстро стал именно таковым. Производственная деятельность ГУЛАГа имела военно-мобилизационное значение не только в конце 1930-х – начале 1940-х годов [6, с. 38], но изначально, не всегда напрямую, часто косвенно, но всегда неизменно. Именно поэтому, наряду с промышленным производством, важнейшим элементом лагерной системы являлось капитальное строительство [6, с. 37]. В 1940 году на долю НКВД приходилось 11% всех капитальных вложений СССР.

Масштаб и объемы присутствия принудительного труда в структуре советской экономики, приводимые авторами, потрясают: «На 1 января 1949 года в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных ИТЛ с почти 30 тыс. лаготделений и лагпунктов и 1,734 колонии. Общее количество заключенных достигло 2 356 685, из них трудоспособных – 1 963 679 (83,3 %). Более половины (55,8 %) составляли молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, почти четверть (22,1 %) – женщины» [7, 8]³.

При этом сотни лагерей и колоний на просто «органически вписывались в систему директивного советского «народного хозяйства», основанного на административно-командном планировании, внеэкономических методах принуждения к труду и уравнительном распределении общественного продукта [6, с. 32] – они слагали основание системы советского тоталитаризма, начавшей формироваться еще в самом начале 1920-х годов, в период военного коммунизма в форме трудовармий – детища Л. Б. Троцкого. С первых же дней своего существования, советская власть поставила вопрос об использовании труда подчиненных контингентов населения. В тот период – солдат Красной Армии. Это решение в глазах власти являлось экономически целесообразным и, безусловно, моральным. Если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось, по замыслу основоположников марксизма-ленинизма В. И. Ленина и Н. И. Бухарина, применять к свободным гражданам, то что ж говорить о мобилизованных на армейскую службу в условиях отсутствия военных действий. 17–18 января 1920 года – через два с небольшим года после прихода к власти большевиков, Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение о целесообразности создания нескольких трудовых армий – в Советской России создается довольно своеобразная разновидность производственно-бытовых коллективов – «армейско-производственные» соединения [9]. Формируются: 1-я Революционная армия труда, Украинская советская (из войск Юго-Западного фронта) трудовая армия; Кавказская (бывшая 8-я армия Кавказского фронта); 2-я особая железнодорожная (бывшая 2-я армия Кавказского фронта); Петроградская Революционная (бывшая 7-я армия Западного фронта); 2-я Революционная армия труда (бывшая 4-я армия Туркестанского фронта). В декабре 1920 года образуется Донецкая, а в январе 1921-го Сибирская трудовые армии.

Целью этого решения было приспособить армейские подразделения к трудовым задачам, не разрушая при этом командного аппарата армии, с тем, чтобы они в любой момент могли быть снова переведены в боевой режим [10]. «Необходимо выделить значительное число командиров, комиссаров и рядовых коммунистов для работы в деле целесообразного проведения трудовой повинности на местах. На военных работников, привыкших руководить массами в самых трудных условиях, возлагалась значительная часть работы по организации и трудовому применению мобилизованных девятнадцатилетних» [10]. В результате формирования трудовых армий только в первой половине 1920 года на работах по восстановлению народного хозяйства СССР участвовало 2,5 млн красноармейцев. Позднее точно такое же количество принудительной рабочей силы ежегодно требовалось ГУЛАГ, чтобы выполнять поставленные перед ним производственные задачи, пополняя текущую убыль трудовых ресурсов в результате смертности: «среднегодовое пополнение» лагерей и колоний колебалось в пределах 1,5–0,8 млн чел. [6, с. 43].

Использование в 1920-е годы составленных из военнослужащих армий труда для производства гражданских работ в конечном счете все же оказалось не слишком продуктивным. Но партийно-государственное руководство не забыло об опыте принудительной организации труда в трудовармиях: с началом подготовки сталинской индустриализации идея принудительного формирования трудовых контингентов, связанных воедино полуармейской дисциплиной и трудо-мобилизационными обязательствами, при условии их насильственного удержания в местах обитания, обрела второе дыхание.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что производственная сфера НКВД – МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, действительно отторгала технический прогресс [6, с. 53]. «Кирка, тачка, лопата и другие примитивные орудия труда представ-

ляли высшему советскому руководству максимально эффективными» [6, с. 35]. Однако нужно отдавать отчет в том, что технический прогресс в системе принудительного труда был власти абсолютно не нужен. Советское руководство не стремилось с помощью примитивных средств труда «догнать и обогнать» передовые страны мира по уровню промышленного производства, оно довольствовалось киркой, тачкой и лопатой потому, что они давали гигантскую экономию средств в тех видах работ, которые из-за своей многотрудности требовали повышенных расходов на зарплату, спецоборудование, относительно комфортное размещение вольнонаемных.

Авторы справедливо отмечают тот факт, что широкое применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на внедрении достижений технического прогресса, на применении новых технологий и т. п. [6, с. 31]. Но ставило ли советское правительство в эти годы задачу повсеместного развития в народном хозяйстве новых технологий, повышения производительности труда за счет механизации трудоемких процессов (в том числе в земледелии)? Или это его абсолютно не интересовало, потому что по итогам намечавшейся войны центры агропромышленного производства в новых границах советской империи со значительно большей эффективностью могли бы разместиться в плодородных районах юга Франции и севера Италии, а высокотехнологичное индустриальное производство – в традиционно промышленно развитых центрах Германии. При этом богатые полезными ископаемыми Урал, Сибирь, северные территории СССР, в этой новой конфигурации советского «народного» хозяйства, продолжали бы выполнять ту же самую роль, которая уже итак была за ними закреплена – добыча сырья, силами контингентов принудительного труда. И теми же самыми средствами – принудительным подневольным трудом заключенных с киркой, лопатой и тачкой. Ведь, как справедливо отмечают авторы, «лагерная система ... на практике демонстрировала свои очевидные «преимущества»: быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями» [6, с. 32].

Монография не оставляет без внимания и феномен «инженерно-изобретательского и научного рабского труда» – «шарашек» – подразделений системы ГУЛАГ, в которых использовался не физический, а интеллектуальный труд заключенных [6, с. 40–42]. Казалось бы, творчество – это всегда свободный порыв, самовыражение при создании качественно новых культурных, материальных, духовных ценностей, радостное воплощение идеи, не омраченной тяготами бытия... «Любой без вины репрессированный человек, находясь в противоестественных условиях несвободы, униженный и унижаемый, переживший личную и семейную катастрофу, просто физически не может работать, а тем более творить в полную меру своих возможностей» [6, с. 51]. Однако советской власти очень быстро удалось опровергнуть это суждение. Причем сделать это практически, доказав, что угроза смерти является значительно более мощным стимулирующим фактором ударного, самоотверженного интеллектуального труда (в том числе научного, опытно-конструкторского, инженерного), чем материальные поощрения.

Кстати, пополнялись «шарашки» «научной рабочей силой» точно так же планомерно, как и стройки пятилетки, – по разнарядке. Монография приводит один из таких исторических примеров: когда власти потребовалось резко продвинуть вперед развитие авиационной отрасли, «ведущие специалисты авиационной промышленности были арестованы <...> и направлены в Особые конструкторские бюро НКВД, даже не будучи формально осужденными. И лишь в мае 1940 года 307 авиаконструкторам и инженерам задним числом через Особое совещание

3. Кроме того, на учете МВД находилось более 2 млн 550 тыс. спецпоселенцев, а в системе ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных) – около 1 млн чел. [6, с. 39].

> Норильлаг. Добыча руды

> За время строительства на Беломорканал было отправлено свыше 250 тыс. чел.

при НКВД СССР было «оформлено» лишение свободы на сроки от пяти до десяти лет [6, с. 42].

Авторы обоснованно пишут о том, что высокие производственные показатели в системе ГУЛАГ основывались не только на уничтожающем людей подневольном изнурительном труде, но и на прямой лжи, приписках, обмане, очковтирательстве. «Туфта» – термин, обозначающий «липу», работу, сделанную лишь для видимости, заведомо ложные показатели в официальном отчете. По легенде, которую упоминают авторы монографии [6, с. 51], он произошел от аббревиатуры ТФТ (тяжелый физический труд). Однако существует и иная версия, кажущаяся более правдоподобной: «туфта» – аббревиатура от выражения «труд, учтенный фиктивно».

Монография В. А. Бердинских, В. И. Меньковского очерчивает целостную объемлющую картину гулаговской экономики – губительной для человека и природы. Нельзя не согласиться с ее заключительными словами, которые могут стать эпитафией советскому прошлому и эпиграфом к анализу ситуации в современной России: «экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где не представляет никакой ценности человеческая жизнь, по меньшей мере наивно было ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек» [6, с. 59].

Литература

1. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. – 2-е изд. – М., 1929. – Т. 1. – С. 104–105.
2. Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 270 с. – (История сталинизма).
3. Меерович М. Г. Расселенческая доктрина России: сегодня и сто лет назад. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014 – 227 с.
4. Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. – М., 2001.
5. СУ СССР. – 1930. – № 22. – С. 248.

6. Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. – Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – 132 с.

7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003. – С. 79, 167.

8. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. – М., 2001. – С. 303–306.

9. СУ РСФСР. – 1920. – № 3, ст. 15; 1920. – № 4–5, ст. 26, 27.

10. Троцкий Л. Задачи 1-й Армии Труда [Электронный ресурс]. – <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm>.

References

Berdinskikh, V. A., & Menkovsky, V. I. (2017). GULAG: ideologiya i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke [GULAG: ideology and economy of the slave labour in the 20th century]. Syktyvkar: Izd-vo IYaLI Komi NTs UrO RAN.

Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, repressii [The Black Book of Communism. Crimes, terror, repressions]. (2001). Moscow.

Kotkin, S. (2001). Zhilishche i subiektivnyi kharakter ego raspredeleniya v stalinskuyu epokhu [The dwelling and the subjective nature of its distribution in the Stalin era]. Zhilishche v Rossii: vek XX. Arkhitektura i sotsialnaya istoriya. Moscow.

Meerovich, M. G. (2014). Rasselencheskaya doktrina Rossii: segodnya i sto let nazad [The resettlement doctrine of Russia: today and one hundred years ago]. Irkutsk: Izd-vo IGU.

Meerovich, M. G., Konysheva, E. V., & Khmel'nitskiy, D. S. (2011). Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932) (Istoriya stalinizma) [The cemetery of social cities: urban planning policy in the USSR (1928–1932) (The history of Stalinism)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B. N. Eltsina.

Pyatiletnii plan narodno-khozyaistvennogo stroitelstva SSSR [The five-year plan of the national and economic construction of the USSR]. (1929). (2nd ed.). Vol. 1 (pp. 104–105). Moscow

SU RSFSR. [The RSFSR Code of Justice]. (1920). 3, art. 15; 4–5, art. 26, 27.

SU RSFSR [The RSFSR Code of Justice]. (1930). 22, 248.

Trotsky L. Zadachi 1-i Armii Truda [The tasks of the 1st Army of Labour]. Retrieved from: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm>.

Zemskov, V. N. (2003). Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960 [Special settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow.